

заветы (напомним хотя бы о ее деятельности еще при Душане, о ее стараниях заключить союз с Никифором Эпирским, о переговорах с Каллистом и т. п.); Г. А. Острогорский, по нашему мнению, приуменьшает ее роль в жизни Серрского княжества, называя ее «скромной», хотя тут же пишет, что она «не только формально» возглавляла княжество (стр. 6). Также спорным, на наш взгляд, остается вывод о распространении прони в Серрском княжестве и о преобладании прониаров в войске серрских правителей (стр. 63), поскольку имеется лишь единственное упоминание прониара (притом, возможно, еще византийского).

Говоря об историко-культурных аспектах монографии Г. А. Острогорского, нельзя не выразить сожаления, что внимание автора к источникам неравномерно: исследуя социально-экономические проблемы, он привлекает материал всех наличных источников (начиная с начала XIV в. и кончая даже свидетельствами XVI в.), касаясь же вопросов политической истории, автор отказывается в доверии свидетельствам «Истории» Кантакузина, Эпирской хроники и др., хотя именно в области политической истории, как нам представляется, как раз эти источники могут помочь решить немало спорных вопросов, в особенности в области сербо-византийских отношений во второй половине XIV в.

Появление интересной монографии Г. А. Острогорского является важным событием в византиноведении и славяноведении. Оно, несомненно, приведет к расширению исследований всех аспектов этой интересной проблемы.

Е. П. Наумов

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ВИЗАНТИЙСКОЙ ДЕМОГРАФИИ

Изучение истории народонаселения в Византии, собственно говоря, только еще начинается. Проблема эта весьма важна: разумеется, не следует в демографических переменах видеть конечную причину социальных преобразований, как это иногда делается¹, однако представление о численности населения империи и о его относительном движении, несомненно, должно уточнять наше суждение о социальных процессах в Византии.

Трудность, однако, состоит в том, что мы располагаем лишь скудными и случайными, по большей части недостоверными цифрами. Даже исчисление количества жителей Константинополя базируется главным образом на косвенных данных: так, Д. Якоби, исходя из площади этого города и данных о плотности средневековых городов Италии, пришел к выводу, что население византийской столицы в VI в. не могло быть выше 375 тысяч². П. Харанис полемизирует с ним, опираясь на цифры Прокопия о смертности во время чумы 541 г., и склоняется к тому, что население Константинополя было близко к 600 тысячам³. Однако оперировать свидетельствами нарративных источников при статистических расчетах — крайне рискованно; к тому же Г.-Г. Бек показал, что внимательное истолкование Прокопия не дает основания для выводов, сделанных Харанисом: те цифры потерь, которые Харанис распространил на весь период эпидемии, относятся на самом деле лишь к ее кратковременному апогею⁴.

Итак, важнейшей задачей византийской демографии на настоящем этапе является выявление источников для исчисления народонаселения империи. В этом отношении прежде всего необходима критическая проверка цифр, извлекаемых из нарративных источников, — проверка на основании иного, более надежного материала. Опираясь на нарративные источники, Харанис исчисляет население крупных византийских городов (Эдесса, Никея, Пруса, Траллы) в 25—35 тысяч; Солунь, по его мнению, имела свыше 100 тысяч жителей; он отмечает, что в Эрзеруме в 1049 г. турки убили 140 тысяч человек — впрочем, он не оговаривает своего отношения к этой цифре, сообщаемой Скилицей⁵. Принципиально иные выводы были получены А. Л. Якобом в результате

¹ К этому, в частности, склоняется Дж. Тилл, полагающий, что уменьшение народонаселения в Константинополе в конце VI в. позволило империи преодолеть кризис (J. T e a l l. The Grain Supply of the Byzantine Empire. — DOP, 13, 1959. p. 133). Напротив, П. Лемерль связывает преодоление кризиса с иным — но опять-таки демографическим — фактором, с возрастанием сельского населения в VII—VIII вв. в результате славянских вторжений (P. L e m e r l e. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance. — RH, 249, 1958, p. 64).

² D. J a c o b y. La population de Constantinople à l'époque byzantine. — Byz., 31, 1961. Следует подчеркнуть, что Якоби говорит о максимально возможной, а не о действительной цифре; к тому же, на мой взгляд (см. мою рецензию: ВИ, 1962, № 5, стр. 191 и сл.), она должна быть несколько уменьшена.

³ P. C h a r a n i s. Observations on the Demography of the Byzantine Empire. — The Proceedings of the XIIIth International Congress of Byzantine Studies. London, 1967, p. 449 f.

⁴ См. тезисы Г.-Г. Бека: *ibid.*, p. 474 f.

⁵ P. C h a r a n i s. Observations on the Demography, p. 452. Иногда население Солуни исчисляют даже в 200 тысяч (см. P. A. H a s l e d o v a. Ремесло и торговля Фессалоники конца IX — начала X в. по данным Иоанна Камениаты. — ВВ, VIII, 1956, стр. 77 и сл.).

те подсчета жилищ в Херсоне: по его данным, Херсон X в. населяло не более 6—7 тысяч человек, а в XII—XIII вв. — всего 5—6 тысяч ⁶.

Чрезвычайно существенно в этой связи небольшое исследование Н. Икономидиса о византийских *кастрох* (городках) XI в.: половина одного из таких «кастронов» состояла всего из 6 домов и 5 жилищ ⁷.

Можно отметить и начало критического пересмотра цифр, относящихся к византийскому монашеству: давно уже стала традиционной, переходящей из работы в работу, цифра монахов Студийского монастыря — тысяча человек; теперь Р. Жавэн показал, что подобное количество монахов просто не могло бы поместиться в монастырской церкви ⁸. По-видимому, в критическом пересмотре нуждаются и данные о численности византийских войск — сводную работу на эту тему следовало бы приветствовать.

В качестве источника по византийской демографии были использованы в последние годы византийские практики. Разумеется, их значение довольно ограниченное: они относятся к одному району (бассейн р. Стримон) и к короткому промежутку времени — к первой половине XIV в. И все-таки они позволяют представить себе движение населения в нескольких западномакедонских деревнях этого времени.

Две работы, написанные независимо одна от другой, посвящены статистической обработке практиков первой половины XIV в. Д. Якоби обследовал владения монастырей Ивирского, Ксенофонтова, Зографского и Ксиропотамского ⁹, Н. Кондов ограничился наиболее подробными из описей — ивирскими ¹⁰. Различие между обеими работами проявляется еще и в том, что Якоби уделяет большое внимание вопросу о достоверности цифр в описях, тогда как в исследовании Кондова центр тяжести лежит на исторических выводах, которые можно сделать из данных практиков. Наконец, Якоби составляет таблицы по отдельным деревням, выдвигая на первый план многообразие путей развития, тогда как Кондов предлагает суммированную таблицу по всем ивирским владениям.

При всем различии методов оба автора направляют свое исследование к одной цели — к исчислению того, что Якоби называет «дворовым коэффициентом» (*coefficient de feux*), т. е. среднего количества душ на один двор. По данным Кондова (табл. 1) он составлял:

в 1301 г.	4,49
в 1316 г.	4,03
в 1317 г.	3,48
в 1321 г. ¹¹	3,73
в 1341 г.	4,34

Таким образом, согласно Кондову, после известного уменьшения среднего размера дворов начинается его возрастание, к 1341 г. доходящее почти до уровня 1301 г. У Якоби мы находим иные цифры: в деревне Мелинциани «дворовый коэффициент» почти не изменился за эти годы; в Гомату он достигал 5,2 в 1301 г., резко упал к 1317 г. — до 3,3 и оставался далее на этом же уровне; в деревне Иерисс упал с 4,7 в 1301 г. до 3,6 в 1317 г. и, наконец, в Като-Волвос упал с 5,2 в 1301 г. до 3,2 в 1317 г., чтобы затем несколько подняться к 1320 г. — до 3,9 (на том же примерно уровне он остается и в 1341 г.). Опись 1316 г. относится к двум *другим* деревням Ивирского монастыря: Радоливо и Вориск, для которых мы не располагаем описью 1301 г. Поэтому включение данных этой описи в общую таблицу, как это сделал Кондов, ведет к затемнению общей картины демографической эволюции, ибо создается иллюзия какой-то катастрофы, совершившейся в 1316—1317 гг. — на самом же деле никакой катастрофы не было, просто исследователь сопоставил цифры, относящиеся к *разным* деревням ¹². Что касается этих двух селений, то в одном из них, Радоливо, дворовый коэффициент несколько возрос к 1341 г. — от 4,3 до 4,8, тогда как в Вориске уменьшился от 5,2 до 4,4.

⁶ А. Л. Якобсон. О численности населения средневекового Херсонеса — ВВ, XIX, 1961, стр. 154—167.

⁷ N. O i k o n o m i d e s. The Donations of Castles in the Last Quarter of the XIth Century. — «Polychronion». Heidelberg, 1966, p. 414.

⁸ R. J a n i n. Le monachisme byzantin au moyen âge. — REB, 22, 1964, p. 29 sq.

⁹ D. J a c o b y. Phénomènes de démographie rurale à Byzance aux XIIIe, XIVe et XVe siècles. «Études rurales», 1962, № 5—6, p. 161—186.

¹⁰ N. K. K o n d o v. Demographische Notizen über die Landbevölkerung aus dem Gebiet des Unteren Strymon in der ersten Hälfte des XIV. Jahrhunderts. — «Études balkaniques», 2—3, 1965, p. 261—272.

¹¹ Дата эта, по-видимому, — результат механической описки: имеется в виду опись Константина Пергамина и Георгия Фарисея от 1320 г. (см. F. D ö l g e r. Sechs byzantinische Praktika des 14. Jahrhunderts für das Athoskloster Iberon. München, 1949, S. 7.)

¹² Кондов допускает еще одну ошибку: он включает в подсчеты на 1316 г., помимо Радолива и Вориска, еще две деревни, Овил и Добровикию, которые в других практиках не фигурируют и, следовательно, вообще ни с чем не могут быть сопоставлены.

Следовательно, обрисованная Кондовым картина демографического движения в Македонии первой половины XIV в. оказывается ложной: мы можем констатировать уменьшение размера дворов в деревнях Гомату, Иерисс и Като-Волвос в 1301—1317 гг. (при дальнейшей стабилизации) и в деревне Вориск в 1316—1341 гг. В Мелинциани положение на протяжении всего периода оказывается стабильным, а в Радоливе (самом большом из учтенных селений) дворовый коэффициент несколько возрастает за годы 1316—1341. Что здесь происходило в 1301—1316 гг., мы, к сожалению, не знаем.

В какой мере, однако, достоверны приведенные Якоби цифры? Для проверки произведем еще раз расчеты для деревни Вориск. По данным Якоби, там было в 1316 г. 62 крестьянина на 12 дворов, а также 2 «карликовых хозяйства»; дворовый коэффициент как уже было сказано, 5,2. Однако в 12 дворах Вориска жило не 62, а 58 человек (четверо составляли два «карликовых хозяйства»), и, следовательно, коэффициент должен быть уменьшен до 4,9. Можно было бы думать, что Якоби вносит 10%-ную прибавку, поскольку, по его мнению (стр. 170 и сл.), практики опускают 20% женщин, т. е. 10% всего населения — но он не делает этого в других случаях (например, в Радоливе в 1316 г. 961 человек, 222 двора, коэффициент 4,3). Если же учесть все 14 дворов, то коэффициент окажется 4,4.

Переходим к описи Вориска в 1341 г. Согласно Якоби, в деревне 76 человек, в действительности — 75. Это различие ничтожно, существенное расхождение в числе дворов. Помимо четырех «карликовых хозяйств», Якоби отмечает 16 дворов — на самом деле их было 13. Возможно, правда, что он считает за отдельные хозяйства: 1) семью Птохариса Томбриня и его невестки Марии и 2) семью Василия Босака и его брата Георгия, но каждая из этих семей живет в одном доме и платит единый налог. В описи 1316 г. аналогичная семья Георгия Докиана и его брата Слава посчитана за одно хозяйство. Следовательно, считая без «карликовых хозяйств», мы получаем для Вориска 1341 г. коэффициент 5,2, а вместе с ними — 4,4. Выходит, что дворовый коэффициент Вориска за годы 1316—1341 не претерпел серьезных изменений. Во всяком случае, о том падении коэффициента, которое следует допустить согласно цифрам Якоби, — от 5,2 к 4,4, — на самом деле не приходится говорить.

Оба исследователя делают ряд интересных наблюдений, нередко совпадающих, но по-разному истолкованных; например, они отмечают высокий процент неженатых и незамужних лиц в практиках: по мнению Якоби (стр. 169), это свидетельствует о том, что описи учитывают население, начиная с младенческого возраста; по мнению Кондова (стр. 265), это отражает характерную для Балкан форму свободного брака. Оба отмечают низкий процент женщин в описях: для Якоби, как уже было сказано, это — результат неполноты практиков, для Кондова (стр. 270) — свидетельство обеспеченности населения рабочей силой. По-разному оценивают исследователи и роль миграции: Кондов подчеркивает появление в бассейне Стримона приселенцев из далеких краев, в том числе Михаила Русина (стр. 272), — напротив, по мнению Якоби, перемещение населения было незначительным (стр. 184).

Все эти погрешности в подсчетах и расхождении в истолковании фактов заставляют снова вернуться к статистической обработке практиков XIV в. с учетом тех проблем, которые поставлены Якоби и Кондовым.

Очень интересный путь демографического исследования был намечен Э. Антониадис-Бибикю, которая предприняла попытку подсчитать количество запустевших деревень в Греции, упомянутых в источниках, начиная с XI в.¹³ Она составила таблицу, показывающую, сколько деревень приходило в запустение на протяжении полустолетия. Воспроизвожу эту таблицу (стр. 364):

XI век:	первая половина — 3
	вторая половина — 83
XII век:	первая половина — 10
	вторая половина — 20
XIII век:	первая половина — 9
	вторая половина — 57
XIV век:	первая половина — 136
	вторая половина — 322
XV век:	первая половина — 65

Метод подсчета, предложенный Антониадис-Бибикю, не безупречен; она считает запустевшими поселения, упоминания о которых не встречаются в позднейших памятниках (стр. 359), тогда как поселение могло существовать некоторое время, не будучи упомянутым в источниках. Далее, количество упомянутых деревень зависит в какой-то степени от количества и характера источников, относящихся к тому или иному столетию: так, резкое возрастание «запустевших» селений XIV в. (стр. 370 и сл.) объясняется не только политическими и экономическими условиями этого столетия, но и тем фак-

¹³ H. Antoniadis-Bibicou. Villages désertés en Grèce. Un bilan provisoire. — Villages désertés et histoire économique. XIe—XVIIIe siècles. Paris, 1965, p. 343—417.

том, что именно к первой половине XIV в. относятся практики, наиболее богатые источники для изучения аграрной истории.

Не абсолютизируя цифры, полученные Антониадис-Бибику, мы тем не менее не должны пренебрегать ими: любопытно, в частности, что они рисуют картину известной демографической стабилизации в XII — первой половине XIII в.

Исследователям византийской демографии предстоит еще большая работа. Было бы желательно собрать сведения о численности семей и о продолжительности жизни в разные эпохи византийской истории: сколь ни отрывочны эти данные, они могут пролить известный свет на проблему движения населения. Так, для 27 позднеимперских писателей IV в. средний возраст оказался 67 лет, для 13 греческих и латинских писателей VI в. — 62 года, а для 15 византийских авторов конца XI—XII в. — 71 год. Конечно, эти цифры слишком скудны, чтобы говорить о возрастании продолжительности жизни в Византии XII в., но все же они наводят на размышления...

Одним из важных элементов истории народонаселения является история этнических групп — весьма разнообразных в Византии. Эта проблема стоит уже давно в историографии — особенно проблема славянских вторжений VI—VII вв.¹⁴ История этнических групп более позднего времени изучена гораздо хуже¹⁵. Хотя изучение перемещений племен и народов по византийской территории, как правило, не позволяет получить надежные цифровые данные, тем не менее без учета этих перемещений судьбы народонаселения империи окажутся охарактеризованными односторонне и неполно.

Демографические проблемы не существуют сами по себе — они тесно переплетены с историей византийской экономики, процветания или упадка городов и деревень. Чисто статистические данные о численности населения, продолжительности жизни или размере семей проверяются косвенным образом по фактам экономической истории. Для византийской демографии поэтому существенны такие сведения, как рацион питания «среднего» византийца, стоимость пропитания, одежды, жилища, успехи техники, — проблемы, которые сами еще ждут исследователей. В самое последнее время Антониадис-Бибику подчеркнула стабильность цен в Византии, связав это явление с «демографической устойчивостью» империи, с отсутствием здесь роста населения в XI в.¹⁶ К сожалению, ограниченность доступных нам источников делает подобные выводы пока еще довольно проблематичными.

А. П. Каждан

¹⁴ См. в последнее время: В. Тьпкова-Заимова. Нашествия и этнически промени на Балканите. София, 1966.

¹⁵ Тщательный очерк этнического состава населения некоторых малоазийских владений Византии в XI — начале XIV в. см. H. A h r w e i l e r. L'histoire et la géographie de la région de Smyrne entre les deux occupations turques (1081—1317) particulièrement au XIIIe siècle. — «Travaux et mémoires», I. Paris, 1965, p. 19—28.

¹⁶ H. Antoniadis-Bibicou. Problèmes d'histoire économique de Byzance au XIe siècle: démographie, salaires et prix. — BS, 28, 1967, p. 255—261.